

Иван Волков

ЗАЩИТА ЛУЖИНА ГЛАЗАМИ ШАХМАТИСТА

Во-вторых, рассуждая о шахматах в жизни и творчестве Владимира Набокова, необходимо разделить два разных вида деятельности — игру в шахматы и шахматную композицию. «Сочинение шахматных задач... с обыкновенной игрой, с борьбой на доске, связано только в том смысле, как, скажем, одинаковыми свойствами шара пользуются и жонглер... и теннисист... Характерно, что шахматные игроки мало интересуются этими изящными и причудливыми головоломками и, хотя чувствуют прелесть хитроумной задачи, совершенно неспособны задачу сочинить»¹. (Последнее замечание не соответствует действительности: решение задач и этюдов входит в программу обучения и подготовки к соревнованиям шахматистов любого уровня, к тому же многие выдающиеся шахматисты добивались успехов в композиции, например, Рихард Рети, о котором мы еще поговорим, сочинял этюды, ставшие классическими).

О своем увлечении композицией Набоков писал очень много, а шахматам, т.е. игре в шахматы, посвящен роман «Защита Лужина», главный герой которого — профессиональный шахматный игрок, по современной терминологии гроссмейстер элиты. В других произведениях шахматы упоминаются эпизодически, но всегда с уважением. Характерен эпизод из «Приглашения на казнь»: хотя именно палач предлагает сыграть в шахматы, играть он почти не умеет, а Цинциннат как раз умеет. Таким образом шахматы маркируются как принадлежность реального мира, мира Цинцинната.

Цель этих заметок: разобраться в шахматных реалиях «Защиты Лужина», попробовать наложить роман на реальный шах-

¹«Другие берега».

матный мир того времени, возможно, лучше представить себе Лужина в жизни и за доской, а заодно попробовать выяснить, насколько сам Набоков разбирался в игре, которую так любил. (Практически не имеет смысла вопрос, насколько сильно играл сам Набоков, хотя он и утверждал, что лет до пятидесяти был очень сильным игроком. Нельзя ничего сказать о силе игрока, никогда не участвовавшего в соревнованиях. По современным наблюдениям, максимальная сила любителя — сильный первый разряд или слабый КМС, т.е. весьма невысокая — хотя шахматист такого уровня может адекватно понять партию гроссмейстера, если она прокомментирована).

В-третьих, чтобы сразу покончить с композицией: в «Защите Лужина» она упоминается один раз. «Он сочинил несколько остроумных шахматных задач и был первым экспонентом так называемой «русской» темы».¹ Так вот, понятия «русской темы» в шахматной композиции нет. И здесь самое время оговориться: наверное, «русскую тему» можно истолковать символически или метафорически, так же как мир шахмат у Набокова вообще принято рассматривать как метафору и искать в построении романа сходство с шахматной партией. Все это очень может быть, но сегодня наши задачи значительно скромнее — никаких интерпретаций, только «матчасть».

В-четвертых, если отыскать прототипа Лужина пока никому не удалось (к этому мы еще вернемся), то нет ли прототипа у Турати, главного противника Лужина? Если не сам Турати, то хотя бы его шахматные характеристики вполне определены: «этот игрок, представитель новейшего течения в шахматах, открывал партию фланговыми выступлениями, не занимая середины доски, но опаснейшим образом влияя на центр с боков». «Новейшее течение в шахматах» — вполне реальная вещь, это так называемый «гипермодернизм», революция в дебютной стратегии, имевшая место в начале XX века. Дань этому течению отдали многие большие шахматисты, включая Александра Алехина, изобретателя гипермодернистской Защиты Алехина. Дебют, который описывает Набоков, тоже можно идентифицировать — это Дебют Рети (с меньшей вероятностью — Дебют Нимцовича-Ларсена). Это на-

¹ Все цитаты из «Защиты Лужина» приводятся по изданию: Владимир Набоков. Сочинения в 4-х томах. Том 2. Москва, «Правда», 1990, стр. 45.

чало было разработано выдающимся чешским гроссмейстером Рихардом Рети, одним из сильнейших шахматистов мира в 20-е годы. Кроме дебюта бросаются в глаза похожие фамилии Рети — Турати. На этом сходство кончается, к тому же Турати — итальянец, а не чех. Стоит заметить, что среди лучших шахматистов мира того времени итальянцев не было. Но продолжим читать описание дебюта:

«Брезгуя благоразумным уютom рокировки, он стремился создать самые неожиданные, самые причудливые соотношения фигур»¹. Оставим на совести автора непонятное словосочетание «соотношение фигур». В Дебюте Рети (и в Дебюте Нимцовича-Ларсена) рокировка делается в самом начале партии. Описание дебюта соответствует шахматной реальности только наполовину. К тому же в 1928 году, когда происходит действие романа, Дебют Рети уже давно не был новинкой и против него были разработаны надежные методы защиты. Здесь же стоит отметить пренебрежение Набокова шахматной терминологией, в те времена уже сложившейся — «середина» в значение «центр», «бока» в значение «фланги».

В-пятых, что мы можем узнать о жизни шахматного профессионала на примере Лужина? Чем она была наполнена, как устроена?

Кроме игры в турнирах, Лужин давал сеансы одновременной игры вслепую, «довольно дорого оплачиваемое представление, которое он охотно давал»².

На какие средства существовал Лужин? На что жили в то время шахматные профессионалы? Было три основных источника дохода. Турнирные призы — иногда очень значительные. Например, в 1927 на турнире в Нью-Йорке призовой фонд составил 5000 долларов (первый приз 2000 долларов). Если Лужин «входил в разряд лучших международных игроков»³, то он, безусловно, мог рассчитывать на призы (пусть и более скромные, чем в Нью-Йорке) в большинстве турниров, в которых участвовал. Но это не надежный источник дохода, приз еще надо выиграть. Далее: шахматная литература и журналистика. Почти все ведущие шахматисты

¹стр. 54.

²стр. 51.

³стр. 55.

оставили солидное литературное наследие, они вели шахматные разделы в журналах, комментировали свои и чужие партии, вели репортажи с международных турниров. А также писали учебники, выпускали сборники прокомментированных партий. И здесь бросается в глаза поразительный факт: Лужин не занимался ничем подобным! Только в период жениховства он упоминает, что ему где-то предложили вести «шахматный отдел»¹ — но до этого он не писал шахматных книг и не сотрудничал с журналами (или автор об этом умолчал). И, наконец, публичные выступления: лекции и сеансы одновременной игры (как тут не вспомнить Остапа Бендера! — действие романа Ильфа и Петрова происходит на год-два раньше)². И, конечно, лучше всего оплачивалась игра вслепую. При такой игре шахматист не видит шахматной доски, ему просто сообщают ходы противника, свой ответ он сообщает посреднику, который воспроизводит ход на доске. Это значит, что человек должен помнить десятки постоянно меняющихся позиций и находить правильные ходы! Не мудрено, что это производило сильное впечатление на публику и хорошо оплачивалось. И Лужин зарабатывал на хлеб именно таким образом.

Набоков, видимо, хорошо представлял всю неустроенность и ненадежность такой жизни. По завершении карьеры Лужин остался практически без средств. Косвенно о небольших доходах шахматистов свидетельствует то, что Валентинов оставил Лужина, когда тот вышел из вундеркиндского возраста. Это стало невыгодно — ведущие шахматисты не имели импрессарио. Только редкие баловни судьбы вроде Капабланки могли себе позволить не думать о деньгах — а сколько крупных шахматистов умирало в нищете!

Набоков относительно верно знал количество партий, которые можно играть одновременно. «Так он играл против пятнадцати, двадцати, тридцати игроков...» Только тридцать — перебор, даже переборчик. На тридцати досках тогда не играл никто, рекорд принадлежал уже упомянутому Рихарду Рети — 29 партий одновременно, но это был рекорд, а Лужин не рекордсмен. Через пять

¹стр. 73.

²Самому Набокову доводилось играть в сеансах против Алексея Алехина и против Арона Нимцовича. Он проиграл, но это ничего не говорит о силе его игры — даже в сеансах бороться против гроссмейстеров было практически невозможно.

лет после «Защиты Лужина» этот рекорд побил Алехин, сыграв на тридцати двух досках.

В-шестых, кроме участия в турнирах, шахматист должен работать, заниматься, изучать дебютные новинки, изучать партии конкурентов. Лужин тоже работал — «по вечерам, после ужина, до поздней ночи», и вместе с его невестой мы можем подсмотреть через окно, как это происходит, и узнать, что он «сидит за пустой шахматной доской»¹. Тоже, наверное, очень символично, вполне согласуется с «призрачностью» шахматного искусства. К тому же шахматист такого класса при необходимости может анализировать позицию в уме. Но, разумеется, никто так не работает, это утомительно и не рационально. В докомпьютерную эпоху шахматисты работали за доской (или сразу за двумя досками), передвигая фигуры — это дома или в гостинице, а в походных условиях пользовались карманными шахматами, вроде тех, что Лужин нашел за подкладкой старого пиджака.

В-седьмых, у Лужина были перспективы: он был «кандидатом, среди пяти-шести других, на звание чемпиона мира»². И «если он выиграет турнир в Берлине, то вызовет чемпиона мира»³. Это требует небольшого комментария.

Только после второй мировой войны появилась стройная система борьбы за шахматную корону. Чтобы получить право сыграть матч на первенство мира, т.е. матч с чемпионом, стало необходимо пройти через сито отборочных соревнований. До этого формально любой шахматист мог бросить вызов чемпиону и, выиграв матч, стать новым чемпионом мира. Было два условия. Первое: ряд побед в крупных турнирах, длительное пребывание в шахматной элите давало моральное право претендовать на такой матч. Требование никак не формализовано — сколько турниров нужно выиграть, насколько стабильны должны быть успехи, определялось корпоративным общественным мнением, чем-то вроде неформального рейтинга⁴. Иногда победа в одном, исключительно сильном турнире, делала игрока реальным претендентом на мировое первенство.

¹стр. 50.

²стр. 55.

³стр. 47.

⁴Систему подсчета рейтингов, или индивидуальных коэффициентов, стали разрабатывать только с 1938 г.

С этой точки зрения Лужин, возможно, действительно мог рассчитывать, что чемпион мира примет его вызов, если он выиграет очередной турнир. Второе условие, о котором знали шахматисты, но обычно не знала публика, гораздо сложнее — претендент должен был обеспечить призовой фонд, огромную по тем временам сумму в 10000 долларов. Условие введено и юридически закреплено Капабланкой и получило название «золотого вала», которым чемпион защищал свое звание. Конечно, первое и второе условие отчасти связаны — меценаты обращали внимание на турнирные результаты, но поиск меценатов и переговоры с ними — отдельный вид деятельности, в котором Лужин не замечен. Возможно, Набоков не знал о «золотом вале».

В-восьмых, Набоков пространно описывает решающую партию Турати — Лужин. Как это ни странно, предпринимались попытки не только сказать что-то об этой партии, но даже найти ее прототип в шахматной классике. Разумеется, эти попытки потерпели неудачу, потому что по описанию сказать о партии Турати — Лужин нельзя ничего, кроме того, что противники разменяли по одной пешке и еще по какой-то одной фигуре. «Затем, ни с того, ни с сего, нежно запела струна. Это одна из сил Турати заняла диагональную линию». «Трубными голосами перекликались несколько раз крупнейшие на доске силы». «В упоительных и ужасных дебрях бродила мысль Лужина...» — и т. д. Такие описания могут создать у читателя представление о высоком накале борьбы, могут поддержать сквозную в романе музыкальную метафору, но никаких — буквально никаких! — шахматных сведений они не содержат. Даже не названо ни одной фигуры! Конечно, трудно рассказать словами шахматную партию, но дать общее представление о характере борьбы вполне возможно. Да что там шахматная партия! Еще живы люди, которые помнят радиорепортажи с футбольных матчей в дотелевизионную эпоху, когда комментатору удавалось воссоздать картину игры в режиме реального времени. Дело не в реальных сложностях описания: шахматная партия в «Защите Лужина» — это шахматная партия вообще, никаких особых примет у нее нет.

В-девятых... в-девятых — это практически все! Других шахматных реалий в романе нет. Писательский труд отца Лужина описан подробнее и конкретнее, чем жизнь Лужина-шахматиста; даже рисование акварелью изображено нагляднее и любовнее,

чем игра в шахматы. Может быть, стоит поискать неочевидные реалии? Например, имеются второстепенные партнеры Лужина. Вдруг кого-то из них удастся идентифицировать? Чаще всего они обозначены только национальностью, а если сведения становятся подробнее, сразу обнаруживается, что персонаж вымышлен, например: «Турниры после войны стали учащаться. Он играл в Манчестере, где дряхлый чемпион Англии, после двух дней борьбы, форсировал ничью...»¹ Чемпионом Англии в послевоенные годы был Фредерик Ейтс, 1884 года рождения (т. е. «дряхлому чемпиону» после войны не было сорока).

Мистификация? Шутка? Шуток, ловушек и мистификаций в романах Набокова множество. Но мистификация мистификации рознь. Одно дело, когда, скажем, герой «Дара» описывает, как его отец в одном из своих странствий «оказался в основании радуги». Это красиво, это запоминается — даже когда догадаешься, что радуга — чисто оптическое явление и «основания» у нее просто нет. Такую ловушку вспоминаешь с благодарностью, косвенно связывая с «основанием радуги» в ирландских сказках. А вот пример шахматной ловушки, один из шахматных сонетов:

*В ходах ладьи — ямбический размер,
в ходах слона — анапест. Полу-танец,
полу-расчет — вот шахматы. От пьяницы
в кофейне шум, от дыма воздух сер.
Там Филидор сражался и Дюсер,
теперь сидят бровастый злой испанец
и гном в очках. Ложится странный глянец
на жилы рук, а взгляд — как у химер.
Вперед ладья пошла стопами ямба,
потом опять — раздумие: «Карамба,
сдавайтесь же!» Но медлит тихий гном.
И вот толкнув ногтями цвета иода
фигуру. Так! Он жертвует слоном:
волшебный шах и мат в четыре хода.*

Здесь описано знаменитое парижское кафе «Режанс», главная арена шахматных баталий в XVIII веке, когда Париж был шах-

¹стр. 53.

матной столицей мира. А кто такие Филидор и Дюсер? Филидор (1726 — 1795) — один из величайших игроков в шахматной истории (в «Защите Лужина» он упомянут вскользь), его слава связана именно с кафе «Режанс», здесь все в порядке. А вот шахматиста Дюсера не было, во всяком случае сколько-нибудь известного. Эта хитрость совсем иного рода — автор просто рассчитывает на некомпетентного читателя, который поверит ему на слово, и вставляет вымышленную фамилию туда, куда вставить реальную не позволяют требования рифмовки.

В-десятых, наконец, Лужин. Давно прекратились попытки отыскать прототип Лужина, более-менее устоялось мнение, что это — вымышленный собирательный образ шахматиста. Вымышленный — бесспорно, а собирательный — вряд ли. Можно говорить о том, что карьера вундеркинда Лужина напоминает блестящий взлет юного Алехина, но взрослый Лужин не похож ни на кого ни одной чертой, кроме «ненормальности». По словам самого Набокова: «разве не нормально, что игрок в шахматы не нормален. Это в порядке вещей»¹. И в самом деле, шахматы — трагический вид деятельности, в котором высокие достижения сопряжены с высокими психическими рисками. Тяжелые психические болезни погубили первого чемпиона мира Вильгельма Стейница (1836 — 1900), «некоронованного короля» Пола Морфи (1837 — 1884), претендентов на высший титул Акибу Рубинштейна (1882 — 1961) и Гарри Пильсбери (1872 — 1906) и многих других выдающихся шахматистов. Но все они до заболевания были вполне адекватными, социально полноценными людьми. Ничего подобного лужинской «ненормальности» ни у кого из известных шахматистов не было². Не было — когда писался роман. Может быть, из шахматных гениев ближе всех Лужину с точки зрения социальной неадекватности чемпион мира 1972 г. Роберт Фишер, родившийся через 13 лет после написания романа. Сам Набоков отрицал это сходство, но даже то, что у Набокова о нем спрашивали³, говорит о бесплодности попыток найти схожие черты у со-

¹Из интервью Бернару Пиво, 1975.

²Не будучи специалистом в области психопатологии, не могу классифицировать заболевания Лужина и даже утверждать, что он был психически нездоров. Слово «ненормальный» употребляется в бытовом, а не в медицинском значении.

³Из интервью Клоду Жанно, 1972.

временников Лужина. А мне кажется, что Лужин гораздо больше, чем на Фишера или Рубинштейна, похож на Пнина, героя одноименного романа: такой же трогательный и нелепый.

Пора делать выводы: ВО-ПЕРВЫХ, Владимир Набоков плохо разбирался в шахматах. Его сведения о современном ему шахматном мире и состоянии шахматного искусства — очень приближенные и неточные. Он нигде не называет ни одного реального шахматиста, а единственная конкретная партия, которую он упоминает в своем творчестве¹⁶, была сыграна в 1851 году. Набоков не владел шахматной терминологией, не знал современной шахматной литературы (недаром Лужин ничего не писал) и плохо представлял себе «живого шахматиста».

Возможно, у кого-то сложится впечатление, что я пытаюсь разоблачить или принизить автора «Защиты Лужина». Но Набоков — не только объективно один из крупнейших русских писателей XX века, но и — субъективно — один из моих любимых писателей, и мои наблюдения предназначены отнюдь не злопыхателю. Надеюсь, они скорее пригодятся будущему комментатору.

